

УДК 821.161.1-311.6“198”:94“1941 – 1945”

Специфика реализации темы Великой Отечественной войны в русской советской литературе 1980-х годов (на примере прозы Б. Васильева)

Е.Л. ГРЕЧАНИКОВА

В данной статье объектом изучения становится военная проза 1980-х гг. как одно из основных проблемно-тематических направлений в русской советской литературе. Мы исследуем специфику развития данного проблемно-тематического направления на примере прозы 1980-х гг. одного из известных писателей-фронтовиков Б. Васильева. Результатом исследования стало выделение характерных черт военной прозы 1980-х гг. (ретроспекции, идеализация хронотопа ВОВ, актуализация проблемы воспитания патриотизма в современном социуме и т. д.).

Ключевые слова: военная проза, хронотоп ВОВ, писатель-фронтовик, социокультурная ситуация 1980-х гг., переоценка советской истории, патриотизм, морально-нравственные ориентиры.

In this article the object of study is war prose of the 1980s as one of the major problem-thematic trends in the Russian Soviet literature. We study the specifics of the development of this problem-thematic trend studying the prose of one of the famous war writers of the 1980s Boris Vasiliev. The result of the study has been the allocation of the characteristics of military prose of the 1980s (retrospective plan, idealization of great patriotic war chronotope, mainstreaming the problem of patriotism in the modern society, etc.).

Keywords: military prose, great patriotic war chronotope, war writer, social and cultural situation of the 1980s, reassessment of Soviet history, patriotism, moral guidance.

В 1980-е гг. на советскую литературу оказывает непосредственное влияние новая социокультурная ситуация в стране: возникает необходимость глубокого и всестороннего анализа, переосмысления истории в целом и ВОВ в частности. Целью данной научной статьи является исследование военной прозы 1980-х гг. (как одного из важнейших проблемно-тематических направлений в русской советской литературе) на предмет выявления специфических черт: приоритетные задачи, вопросы, проблемы, использование определённых сюжетных и композиционных алгоритмов, характерных для данного периода, и т. п. В качестве объекта исследования была выбрана проза одного из известнейших писателей-фронтовиков Бориса Львовича Васильева («Встречный бой», «Великолепная шестёрка», «Вы чьё, старичьё?», «Суд, да дело», «Завтра была война», «Неопалимая купина» и др.). Следует заметить, что в названных текстах военная тематика не всегда превалирует на сюжетном уровне, однако военные эпизоды-воспоминания являются своего рода «стержневым» элементом текста, позволяющим автору создавать морально-нравственные ориентиры для своих героев, решать проблемы современного общества с позиции человека, постигшего в годы войны универсальные ценности. По словам П.М. Топера, «в сущности, в советской литературе нет и не может быть произведения, ставящего значительные вопросы современности, чтобы в нём так или иначе, в непосредственном изображении или в предыстории героев, не присутствовала б война» [1, с. 361]. Итак, рассмотрим некоторые особенности военной прозы Б. Васильева 1980-х гг.

1) Герои прозы Б. Васильева 1980-х гг. – это, как правило, фронтовики; основная проблема – «выживание» поколения фронтовиков в нелёгкое время переоценки ценностей, нравственного кризиса современного общества. Примечательной (хотя и несколько, на первый взгляд, парадоксальной) особенностью является то, что хронотоп Великой Отечественной войны в прозе Б. Васильева подвергается идеализации и противопоставляется современности. Однако речь идёт вовсе не об идеализации «великого и славного прошлого» советского народа: для автора ВОВ – это «лакмусовая бумажка»: пространство и время, в котором люди существуют, руководствуясь простыми законами чести, совести, долга и справедливости. Это уникальное время, когда всё просто и понятно: кто – предатель, негодяй,

ВРАГ, а кто – Человек, герой, ДРУГ. Таким образом, один из самых сложных и трагических периодов в истории становится для Бориса Васильева и его героев-фронтовиков настоящим, честным, справедливым временем и противопоставляется мирной и благополучной снаружи, но часто равнодушной и «гнилой» изнутри современности, разучившейся отличать истинные ценности от «душевного хлама». Так, например, в повести «Суд, да дело» главный герой размышляет о счастье и простых радостях, которые не замечает новое поколение: *«Счастье – это из боя живым выйти... Счастье – хлеба сухого кусок, когда не жрал трое суток... Счастье – воды полкотелка, когда день на жаре под бомбёжкой пролежал мордой в сухую землю...»* [2, с. 372–373].

В рассказе «Великолепная шестёрка» автор иллюстрирует изменение жизненных приоритетов и ценностей: мальчишку-пионера, оставившего умирать лошадей, принадлежащих спивающемуся ветерану войны, начальница лагеря оправдывает тем, что он полиглот, *«многими языками владеет»*. Авторское возмущение в данном случае озвучивает один из персонажей – милиционер, защищающий старика: *«А ты сколькими “языками” овладел, дед? За шестого ордена-то дали, так вроде?»* [3, с. 537]. Игра слов лишь подчёркивает проблему: и слово то же, а ценности и заслуги двух поколений не подлежат сравнению.

Противопоставление ценностных ориентиров двух поколений характерно и для повести «Вы чьё, старичьё?». Главный герой, Касьян Глушков, отказывается оформлять повышенную пенсию фронтовика (приютившая его невестка не желает кормить «дармоеда»), поскольку считает, что не заслужил её: *«По справедливости я же в обозе, я же и стрелять-то не стрелял, и в меня разве что бомбы да если из пушек. Это же тем положено, кто кровь свою отдавал...»* [4, с. 452], в то время как сосед по коммуналке вовсе не стесняется ежедневно приветствовать старика предложением отправиться на тот свет, *«пока бабка ... с архангелами не загуляла»* [4, с. 467].

Идеализированный хронотоп войны также охватывает у Б. Васильева и первые послевоенные годы (также противопоставленные современности). *«Обуглены были сердца тех лет»*, – пишет автор в повести «Суд, да дело» [2, с. 371]. Но именно эти «обугленные сердца», по мнению писателя, были способны на поступки: безногий морячок жалеет молоденькую санитарку, которой после выписки из госпиталя негде жить, и на тележке катится через весь город, чтобы упросить спивающуюся нищенку Родионику, потерявшую на войне детей, приютить девушку. Милиционер не арестовывает процессию калек, а берёт морячка за руку и катит его «на буксире» до самого дома нищенки, а незнакомые санитарке Ане жители дома *«высыпали во двор... целовали Аню и плакли, ... несли израненной девчонке всё, чем богаты были...»* [2, с. 374–375].

2) Поскольку сам автор и его герои в прошлом фронтовики, то и проблемные ситуации современности рассматриваются, прежде всего, с позиции военной морали, справедливости, более понятной автору, нежели современная система ценностей. Отсюда – ещё одна специфическая особенность военной прозы Б. Васильева: оценка поступков современного человека с позиции «фронтальной справедливости». Во многих произведениях Б. Васильева 1980-х гг. своего рода лейтмотивом проходит параллелизм «ВОВ = война за выживание в современном социуме» (как вариант – «ВОВ = борьба за выживание во время сталинских репрессий») в повести «Завтра была война»). На эту особенность указывают и авторские предпочтения в использовании художественных средств и приёмов. Это и метафоры (*«в разведку сбежала»* – о первом опыте любви в повести «Неопалимая купина» [5, с. 532]; *«блиндаж воспоминаний»*, в который герой повести «Суд, да дело» Скулов «прячется» от безразличия и жестокости современных людей [2, с. 400]), и горькая авторская ирония насчёт *«смертного боя за дивиденды»* (пустые бутылки на пустыре) между двумя старыми нищими ветеранами из повести «Вы чьё, старичьё?» [4, с. 456]. *«У нас лежачего не бьют»*, – обиженно заявляет старый вояка-адвокат в ответ на скепсис подзащитного Скулова [2, с. 377], а когда удаётся выстроить стратегию защиты невиновного, напевает строки из песни, ставшей своего рода гимном фронтового братства: *«... нам нужна одна победа...»* [2, с. 416].

Также автор проводит довольно прозрачную параллель, разбираясь в причинах убийства старым фронтовиком Скуловым «комсомольца» Эдика. Дело не в том, что молодой че-

ловец нарушил границы частной собственности и нанёс материальный ущерб Антону Филимоновичу – он со зверской жестокостью убил собаку Скулова, вытоптал клумбу с цветами (единственным, что осталось в память о жене) и грязно выругался в адрес покойной Анны. Не так ли поступали и немецкие солдаты в годы ВОВ? И разве не за освобождение земли от подобного рода людей воевал Скулов 40 лет назад? То есть Эдик в глазах главного героя мало чем отличается от носителя идеологии фашизма, а Скулов не «за этого парня кровь проливал», как пафосно выразился следователь [2, с. 362], – он против таких боролся на фронте и «просто не мог не выстрелить, ... права морального не имел. Он то защищал, что дороже жизни для него было...» [2, с. 441].

3) Для военной прозы 1980-х гг. характерна актуализация и переосмысление вопросов воспитания патриотизма и псевдопатриотизма. В рассказе «Великолепная шестёрка» у старого спивающегося ветерана Прокудова Петра Дементьевича мальчишки-пионеры ради забавы крадут лошадей, а наигравшись, оставляют животных умирать голодной смертью привязанными к дереву. Однако больше сочувствия у начальницы пионерского лагеря Киры Сергеевны вызывают «отличившиеся» подростки (ведь они – победители олимпиад, полиглоты, шахматисты), а не старый фронтовик, поскольку его образ расходится со стереотипным образом бравого ветерана войны. Кира Сергеевна отмечает в разговоре с милиционером, что в их лагере достаточно внимания уделяется патриотическому воспитанию молодёжи: «Мы каждую смену проводим торжественную линейку у обелиска навишим, возлагаем цветы» [3, с. 537]. Но, в то же время, рассказ старика о том, как конь вынес его с поля боя («Зубами за гимнастёрку, да вместе с мясом, чтоб покрепше. И выволоч. И упал сам. Осколком у него рёбра выломало, и кишки за ним волочились») [3, с. 539]), вызывает у начальницы только чувство брезгливости: «Какая гадость!» [3, с. 539]. В данном случае молодой лейтенант озвучивает в тексте авторскую позицию: «Цветы, салюты – это всё правильно, конечно, ... Вот вы о мраморе говорили. Мрамор – это хорошо. Чисто всегда. И цветы класть удобно. А что вот с таким дедом делать, которого ещё в мрамор не одели? Который за собой ухаживать не может, который в штаны, я извиняюсь, конечно... да к водке тянется, хоть ты связывай его! Чем он тех хуже, которые под мрамором? Тем, что помереть не успел?» [3, с. 537–538]. Автор не столько осуждает поступок пионеров (скорее, это безответственность, нежели жестокий умысел), сколько поражён реакцией старшего поколения. Эффект усиливается с помощью параллелизма: кони, оставленные умирать, потому что о них забыли за ненужностью – и ветераны, чьи живые и неидеальные образы проигрывают аккуратному куску мрамора.

Подобная мысль звучит и в повести «Неопалимая купина», хотя и в более сдержанной форме. Директор школы Антонина Фёдоровна Иваньшина во время официальных мероприятий, посвящённых ВОВ, часто замечала «пустые глаза детей, куда более занятых формой торжеств, чем их сущностью» [5, с. 540]. Б. Васильев даёт простое объяснение причин скепсиса по отношению к советским «ценностям», в том числе к «набившему оскомину» героизму: «А потому, что перекормили... Количество героической информации вдруг перешло в качество – только не в то, на которое мы рассчитывали. Исчезла искренность подвига, его порыв, боль, цена – и осталось голое перечисление. Остался реестр, длинный и нудный списочный перечень: кто, что, где и когда. Мы девальвируем собственную героическую историю: Герасим утопил собачку, и полтора года лет рыдают над нею потрясённые дети, а мы без конца толкуем о двадцати миллионах погибших – и встречаем отсутствующие глаза» [5, с. 540].

4) В военной прозе 1980-х гг. происходит переосмысление понятия героизма, начинается поиск нюансов, аспектов, новых эпизодов, позволяющих более глубоко с морально-нравственной точки зрения раскрыть психологию подвига. Героиня повести «Неопалимая купина» Антонина, размышляя в мемуарах о сущности подвига, вспоминает слова подполковника Зотова о командирском героизме: «... чтоб твой боец хотя бы разочек в сутки горячего похлебал..., чтоб твой боец хотя бы четыре часика в сутки лёжа поспал..., чтоб ... боец твой всегда верил, что за спиной его – полный порядок: мать здорова, дети сыты... Если всё соблюдёшь – при всех героем назову... » [5, с. 541]. О неоднозначности понятия героизма

и преступления Б. Васильев размышляет и в повести «Встречный бой». Генерал, которому ещё нет тридцати, должен отправлять своих бойцов в последний бой, когда уже объявлено об окончании войны. Понимая, что *«танкисты беспрекословно пойдут в атаку и по ПРИКАЗУ»*, генерал ПРОСИТ, потому что *«не было сил приказать своим ребятам идти на смерть в день, который... уже объявили днём величайшего счастья»*, а из танков слышна *«мелодия весёлого праздничного марша»* [6, с. 455–456]. И это тоже проявление героизма – взять на себя ответственность за смерть солдат, когда вся *«Европа пела и плакала»*, а *«здесь, ... повинуясь его приказу, ещё умирали люди»* и *«он просто не имел права уйти на НП и считать оттуда, сколько ещё факелов зажгут немецкие истребители из его “тридцатьчетвёрок”»* [6, с. 457]. Немецкий генерал, взятый в плен после больших потерь с обеих сторон, *«сутулый человек со смертельно усталым, безжизненным лицом»*, *«шаркающий усталыми ногами»*, просит переводчика передать русскому генералу: *«Он – не нацист. Он – кадровый офицер. ... Просит сообщить его семье, которая проживает в Кёльне...»* [6, с. 458–459]. И читатель 1980-х гг., уже привыкший к полярно противоположному переосмыслению событий прошлого, готов проникнуться симпатией к *«смертельно уставшему» «не нацисту»*, просто выполнявшему свой военный долг, если бы не короткая фраза, брошенная русским генералом: *«Он – подлец. Подлец и убийца»* [6, с. 458]. И дело здесь вовсе не в приверженности фашистской идеологии, поскольку, как оказалось, есть вещи такие же страшные: эгоизм ОДНОГО человека, просто желавшего увидеть свою семью в Кёльне и поэтому приказавшего своим солдатам воевать, когда война уже окончена. Обычный эгоизм, свойственный любому человеку, в данной уникальной ситуации *«встречного боя»* принёс смерть сотням солдат и оказался преступлением, возможно, сопоставимым с преступлением немецкого диктатора. А встречный бой был не только для двух армий, но и для двух убеждений: оба генерала послали своих солдат умирать, но разная мотивация может сделать одного героем, а другого предателем.

5) В военной прозе 1980-х гг. (как и в любом другом проблемно-тематическом направлении указанного периода) в литературе происходит переосмысление советской истории и многих советских реалий, считавшихся аксиомами. Ярким примером может служить повесть «Завтра была война», где автор проводит очевидную параллель между выживанием в военное время и выживанием в годы сталинских репрессий. На первый взгляд, сюжетно текст мало связан с ВОВ, однако само название подталкивает к осмыслению того, что довоенное *«сегодня»* (репрессии, боязнь высказать мнение) для большинства персонажей стало *«лакмусовой бумажкой»* совести и человечности в преддверии военного *«завтра»*. Время же дореволюционное и начало 20-х гг., напротив, несколько идеализируется. Отец Вики Леонид Сергеевич говорит о подзабытой в 30-е годы функции искусства: *«Искусство должно будить мысли, а не убаюкивать их»* и вспоминает начало 20-х гг. как время, когда *«не довольствовались абсолютными истинами»*, а *«искали и спорили»* [7, с. 48–49].

Касьян Глушков (повесть «Вы чьё, старичьё?») вспоминает, как казнили *«первого в его жизни большевика»*, не желавшего отказываться от своих убеждений: *«Нет, батюшка, я есть большевик... Я слова товарища Ленина народу передаю...»* [4, с. 449]. Автор подчёркивает, что вся деревня жалела большевика, копающего себе могилу, просила его отказаться от воззрений: *«Покайся! А мы постегаем для порядку. ... Сделай милость божескую, не вводи во грех»* [4, с. 449]. Это, по мнению героя, было время, когда *«Россия казнить не умела»* [4, с. 450].

Стереотипно и оттого ещё более трагично звучат фразы из статьи московской корреспондентки о *«невинно убиенном»* негодяе Эдике (*«Суд, да дело»*): *«упал, как подкошенный колос»*, *«последний возглас любимого: “Мама!..”»*, *«“Отец, моё место – у станка!” – ещё в школе решил он»*, *«в грохочущих цехах родилась музыка его души»*, *«священный долг в рядах Советской армии»* [2, с. 442–443].

В повести «Суд, да дело» заседатель Лида Егоркина, по ироничному замечанию Б. Васильева, являла собой *«свод пуританских аксиом»*, т. е. советских стереотипов [2, с. 424]. Для неё важным аргументом в пользу обвинения Скулова стало то, что он был *«убий-*

цей комсомольца», а также «частновладельцем, то есть представителем ... заведомо антиобщественного сектора нашей жизни» [2, с. 383], более того, обвиняемый жил «нерасписанным» с «фронтальной любовницей» [2, с. 369].

В прозе Б. Васильева 1980-х гг. скептическое отношение к ценностям советской эпохи довольно часто реализуется посредством использования известных концептов в ироническом ключе: Лида Егоркина («Суд, да дело») «верила в тосты и передовицы, в телевизор и справедливость, в надгробные признания...» [2, с. 382]; начальница лагеря Кира Сергеевна («Великолепная шестёрка») «всегда боролась», в том числе «за наглядную агитацию» и «за чистоту помыслов и чистоту тел» [3, с. 532], концептуально отмечала, что «никто не забыт и ничто не забыто» [3, с. 537], а пионервожатая обладала «бюстом, самой природой предназначенным для наград, а пока носившим алый галстук параллельно земле» [3, с. 532]. В повести «Неопалимая купина» Антонина Фёдоровна, потеряв способность ходить, не хочет продолжать работать директором школы и быть «прикованной к собственному руководящему креслу», вызывать у подчинённых жалость и «изобразить из себя ... этакого Маресьева на трудовом фронте» [5, с. 515]. Сила характера Антонины – в способности к самоиронии: «А дальше? Что дальше-то? Тимуровцы с батоном под мышкой?..» [5, с. 530].

Итак, характерными чертами военной прозы 1980-х гг. (и прозы Б. Васильева в частности) являются:

- наличие в большом количестве текстов ретроспективных (вставных) эпизодов, параллели между ситуациями морального выбора в современном обществе и на фронте;
- идеализация хронотопа ВОв: герои часто вспоминают военные годы как время формирования их ценностных ориентиров;
- исследование проблемы воспитания патриотизма и псевдопатриотизма в современном обществе;
- переосмысление советской истории (в том числе военного периода), советских реалий, ценностей; часто – ироническое использование в тексте советских концептов;
- глубокий психологизм, попытка переосмысления понятий героизма, эгоизма на войне; поиск новых сюжетов и художественных приёмов с целью эмоционального и нравственного воздействия на ещё советского, но уже нового, искушённого читателя.

Таким образом, можно констатировать, что военная проза 1980-х гг. как одно из ведущих проблемно-тематических направлений обладает рядом особенностей, отражающих влияние социокультурной и общественно-политической ситуации данного периода на русскую советскую литературу.

Литература

1. Топер, П.М. Ради жизни на земле / П.М. Топер. – М., 1985. – 656 с.
2. Васильев, Б.Л. Суд, да дело / Б.Л. Васильев // Избранные произведения. В 2-х т. Т. 2 : Повести и рассказы. – М., 1988. – С. 360–444.
3. Васильев, Б.Л. Великолепная шестёрка / Б.Л. Васильев // Избранные произведения. В 2-х т. Т. 2 : Повести и рассказы. – М., 1988. – С. 531–541.
4. Васильев, Б.Л. Вы чьё, старичьё? / Б.Л. Васильев // Избранные произведения. В 2-х т. Т. 2 : Повести и рассказы. – М., 1988. – С. 445–480.
5. Васильев, Б.Л. Неопалимая купина / Б.Л. Васильев // Избранные произведения. В 2-х т. Т. 1 : Повести. – М., 1988. – С. 478–558.
6. Васильев, Б.Л. Встречный бой / Б.Л. Васильев // Избранные произведения. В 2-х т. Т. 1 : Повести. – М., 1988. – С. 444–477.
7. Васильев, Б.Л. Завтра была война / Б.Л. Васильев // Избранные произведения. В 2-х т. Т. 1 : Повести. – М., 1988. – С. 8–133.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ